

Анна Тёмкина

**ПОЛОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ
КАК МОРАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ
(ПОЗДНЕСОВЕТСКИЕ ДИСКУРСЫ
О СЕКСУАЛЬНОСТИ)¹**

Высказывание о том, что «секса в Советском Союзе не было», в перестроечные годы стало крылатым. Чаще всего, соглашаясь с ним, подразумевают отсутствие публичного обсуждения вопросов сексуальности. Мы, однако, хотим показать, что в позднесоветское время официально, хотя и крайне осторожно, признавалось невежество советской молодежи в вопросах половых отношений и обсуждалось его возможное преодоление.

Признание необходимости просвещения было связано в первую очередь с тем, что молодежь усваивает «чуждые социалистическому обществу» практики сексуального поведения, которые с точки зрения официальной идеологии необходимо ограничивать. Именно этому и должно было служить моральное воспитание, направленное на критику пережитков капитализма и «тлетворного влияния Запада». Однако в процессе осторожного и ограниченного нравственного воспитания молодежи в публичном дискурсе происходило и информирование о некоторых аспектах сексуальной жизни. Как указано в предисловии к переводному изданию «Молодежь и любовь» немецкого социолога Рольфа Бормана, опубликованному в Москве в 1975 г. (оригинал издан в Берлине, ГДР, в 1974 г.), «формирование высоких чувств любви

¹ Более ранние версии данной статьи см.: Тёмкина А. (2004). Половая жизнь в позднесоветском браке, в кн.: *Семейные узы: модели для сборки*, С. Ушакин, ред. М.: Новое литературное обозрение, с. 515–547; Тёмкина А. (2008). *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой*. СПб.: ЕУСПб.

у молодежи и ее половое воспитание представляет актуальную задачу семьи, школы и общества в целом... В то же время половое воспитание молодежи часто встречает определенное сопротивление среди взрослых... Автор... убедительно показывает, что в нравственном воспитании чувств больше внимания необходимо уделять половому просвещению» (Борман 1975: 5).

Задача данной статьи состоит в реконструкции того, чему же и как учили советскую молодежь со страниц открытой печати в 1960–80-е гг., когда отсутствовали другие формы сексуального (полового) просвещения, а знания обретались преимущественно через практику, подростковые группы, репрезентации в искусстве и фольклор (Rotkirch 2000). Материалом для данного исследования послужили книги и статьи, которые относятся к публицистическому, медицинскому, педагогическому, социологическому, психологическому, культурологическому и юридическому курсам.

В поле нашего внимания находились 41 популярное издание, опубликованные в период с 1960 по 1985 г.², которые затрагивали вопросы сексуальных (половых в терминах того времени) отношений в ходе обсуждения проблем воспитания подростков и молодежи, супружества и брака. Эти книги были направлены в первую очередь на ту аудиторию, которая должна была обучать молодежь (психологи, педагоги, врачи, родители, воспитатели и пр.). Выбор изданий для данного исследования осуществлялся по предметному и алфавитному каталогам Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), использовались экспертные комментарии И. Кона, а также аннотированная библиография по интересующим нас вопросам (Голод 1995). При анализе текстов мы обращали внимание в первую очередь на аннотации, предисловия, комментарии переводчика или издательства (для чего была написана та или иная книга (статья), в которой освещаются определенные аспекты сексуальности, — например, для профилактики сексопатологий или для морального воспитания; на какую целевую аудиторию она рассчитана и пр.), на ее содержание (в каком именно разделе освещаются половые отношения — например, гигиены, морали или семейной жизни), на цитирование других авторов и библиографические ссылки, которые служили также источником для дальнейшего поиска необ-

² См. раздел «Источники». До 1960 года ряд аспектов гигиены затрагивался в руководствах по домоводству (см., напр.: Домоводство 1956). Мы также использовали некоторые более поздние переиздания отдельных текстов.

ходимых данных. Те разделы, в которых половые отношения являлись предметом специального внимания авторов, были проанализированы отдельно. Мы также использовали материалы профессиональных социологических и культурологических исследований, опубликованных в позднесоветский период.

Итак, опираясь на анализ текстов, мы рассматриваем основные рамки дискуссии о сексуальности, описываем формирование массива литературы, которая доносила до читателя представление о половых отношениях в советском обществе. Мы реконструируем дискурс рисков (угроз и опасностей в терминах того времени) молодежи в интимной сфере жизни, а затем гендерные нормы и идентичности, представленные в данных текстах.

«Половое просвещение неотделимо от общего коммунистического воспитания»

Сфера сексуальной жизни в позднесоветский период характеризуется систематическим расхождением между официальными и повседневными интерпретациями, между пуританизмом публичного умалчивания и низкой степенью институциональной рефлексивности в отношении сексуальных практик. В повседневной жизни в конце советского периода жесткие нормы сексуальности, сводимые исключительно к браку и репродукции, стали утрачивать свое значение. Однако официальная политика предпочитала в основном не замечать подобных изменений, следствием чего был низкий уровень знаний о сексуальности, отсутствие средств, позволяющих эффективно контролировать репродуктивное поведение, и пр. Публичное умалчивание сексуальности, цензурирование и самоцензурирование профессиональных дискурсов, отсутствие образования и обсуждения изменяющихся сексуальных практик, вытеснение обсуждения сексуальности в сферу теневого фольклора позволило назвать позднесоветский дискурс о сексуальности лицемерным (Zdravomyslova 2001). Однако сфера сексуальности («половых отношений») не была полностью закрытой темой. С 1960-х годов росло число публикаций, количество профессиональной и публицистической литературы, в которой обсуждались некоторые проблемы половых отношений.

Рамки обсуждения сексуального поведения были заданы основными постулатами социалистической идеологии и морали. Любовь и по-

ловые отношения отождествлялись с браком—семьей — основной ячейкой социалистического общества. Укрепление семьи рассматривалось в контексте совершенствования социалистического образа жизни и реализации возможностей развитого социализма (Харчев 1979: 5). Основные функции семьи определялись как воспроизводство населения и воспитание детей (Харчев 1968; Семья сегодня 1979) и наделялись государственно-идеологической важностью (см. также: Чуйкина 2002; Кон 2005). Эффективная демографическая политика являлась одной из задач Коммунистической партии (см., напр.: Антонов 1980: 7); цель воспитания, в соответствии с Программой КПСС, определялась как формирование личности социалистического типа, гармонически сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство (Харчев 1979: 162). В тот период, когда многие советские люди разводились, мужчины уклонялись от уплаты алиментов и участия в воспитании детей, женщины делали многочисленные аборт в травматических условиях советских больниц, адюльтер был типичным социальным явлением (см., напр.: Rotkirch 2002; Кон 2005) — официальный дискурс экспертов и публицистов не замечал этих явлений. Как заклинание, он твердил и утверждал чистоту морали и крепости семьи.

Однако в 1960–1980-е гг. на периферии общественного дискурса начинается обсуждение половых отношений³. Постепенно возникает критическая рефлексия в публицистическом, медицинском, педагогическом, социологическом, психологическом, культурологическом и юридическом дискурсах. Этому способствовали частичное ослабление репрессий и контроля, а также либерализация сексуальной и гендерной политики и общие модернизационные изменения в российском и западном обществе на поведенческом уровне. Важен был также и общий рост рефлексивности общества в отношении социальных практик — институционализация психологии и социологии, возобновление некоторых исследований сексуальности, появление первых центров семейного здоровья и пр. Сциентистские установки этих исследований, с одной стороны, ставили под сомнение натурализацию сексуальной жизни, с другой — противопоставляли себя идеологической сексофобии.

В этот период изменяются практики молодежи, получает более широкое распространение добрачная и внебрачная сексуальность. Увели-

³ Хронологические изменения, происходившие в дискурсе с начала 1960-х до середины 1980-х гг., здесь не рассматриваются (об этом см.: Голод 1995).

чивается число разводов, падает рождаемость. Данные процессы воспринимаются государством, говоря современным языком, как угроза национальной безопасности, хотя и выражаются преимущественно в терминах нехватки трудовых ресурсов (Чернова 2008). На фоне осторожной либерализации допускается обсуждение некоторых проблем репродуктивного поведения и сексуальной (половой) жизни. Тексты различных руководств, посвященных половому воспитанию, имеют специфическую структуру. В них критикуются отдельные негативные стороны советского общества (в качестве «пережитков прошлого» и последствий «буржуазного влияния»), вырабатываются рецепты для их преодоления в области сексуальной жизни. При этом в данных текстах предпринимаются некоторые попытки просвещения, получения и распространения научного знания. Невежество советских граждан в сфере сексуальности фиксируется многими авторами: «Несмотря на насущную потребность, различные аспекты семейно-половых отношений абсолютно неизвестны многим людям» (Кушнирук и Щербаков 1982: 10).

Просвещение, дающее «элементарные знания» об анатомии, физиологии, половых отношениях и детской сексуальности, начинается в медико-гигиенической области и в основном ею и ограничивается. В 1960–1980-х годах появляются сексологические центры, происходит становление сексопатологии и сексологии (Кон 1997: 179–184, 2005: 239–241). Из популярных, но труднодоступных книг по сексо(пато)логии⁴ можно было получить представление о взглядах З. Фрейда, А. Кинзи, У. Мастерса и В. Джонсона, о возрастных и половых особенностях полового влечения и половых функций, но преимущественно они содержали информацию об их нарушениях: психо-соматических сексуальных расстройствах, лечении и профилактике⁵. Сексуальная сфера, рассматриваемая с точки зрения сексопатологии, — это сфера медицинского вмешательства и коррекции отклонений. При этом ме-

⁴ Эти и другие книги упоминаются в биографических интервью как издания, которые передавались из рук в руки, часто на одну ночь, «зачитывались до дыр»; в позднесоветский период в ряде случаев они тщательно штудировались.

⁵ См., напр., работы врачей-психиатров Д. Исаева и В. Кагана (1979), А. Свядоца (1974); невропатолога Г. Васильченко (1977, 1983). Руководства для врачей, изданные под редакцией профессора Г. Васильченко даже в начале 2000-х гг., в РНБ С.-Петербурга имели статус «особо ценных» и выдавались только под залог документа.

дицинское просвещение находилось под сильным институциональным и идеологическим контролем, многие работы были «сдобрены лошадиной дозой морализирования» (Кон 1997: 182).

Некоторые аспекты половых отношений в СССР становятся предметом исследований общественных наук. В работах С. Голода и ряда других социологов показана распространенность добрачного и внебрачного сексуального поведения, добрачного зачатия⁶. Такое поведение рассматривается в рамках эволюционных сдвигов: «предпочтительно, но необязательно вступать в брак; желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием» (Голод 1984: 8). В начале 1960-х гг. социологами были зафиксированы умалчивание роли половых отношений в жизни семьи, а также потребность молодежи в половом воспитании (см.: Грушин 1964), позднее были поставлены вопросы о роли супружеского секса и эротической привязанности в стабилизации брака, о роли сексуальной неудовлетворенности — в его распаде. Однако осуществление исследований, как показал Кон, наталкивалось на существенные препятствия. Описание и анализ половых отношений, особенно тех, которые не полностью совпадали с браком, считались угрозой социалистическому строю и потому строго ограничивались.

С 1960-х годов стали появляться историко-культурологические исследования сексуальности. В первую очередь к ним относятся работы И. Кона⁷, в которых делалась попытка противопоставить анализ «объективных социальных сдвигов», включая «сексуальную революцию», — «бесплодному морализированию» (Кон 1966: 66). В этих работах используются понятия «секс» и «сексуальность», изменения в сфере сексуальности и эротики рассматриваются как исторически и социально заданные, моральные нормы в сексуальной сфере — как контекстуально обусловленные. Исследования такого рода ограничиваются несколькими работами, в которых, как правило, используется дискурсивная стратегия критики буржуазных теорий и капиталистического общества.

В этот период издается несколько переводных книг по вопросам пола и сексуальности, написанных врачами и обществоведами в на-

⁶ См., напр.: Голод 1970а, 1970б, 1984.

⁷ Кон (1966, 1967, 1970). По свидетельству И. Кона, наиболее влиятельной была статья «Секс, общество, культура» в *Иностранной литературе* (Кон 1970).

учно-публицистическом жанре⁸, которые остались труднодоступными для широкой публики. Данная литература, описывая некоторые новые тенденции сексуальности, гигиену половой жизни и пр., ориентировала молодежь исключительно на брачную сексуальность. Только брак рассматривался как легитимная форма половых отношений, одновременно он является объектом государственного политического и идеологического регулирования. Подготовка молодого поколения к браку и семье считалась неотъемлемым компонентом формирования советского образа жизни (Борман 1975: 6). «Наше главное стремление — это достижение счастья в браке и через брак» (Нойберт 1967: 27). Сексуальные отношения в любом социалистическом обществе (в данном случае речь идет о ГДР) должны были стать предметом общественной заботы: «Любовь и сексуальные отношения, будь то брачные, добрачные или наряду с брачными, не должны быть *личным делом* (курсив мой. — А.Т.) участников» (Борман 1975: 50).

В 1980-х годах издается несколько пособий для учителей⁹, в которых предпринимается попытка популярного изложения особенностей полового развития человека (см., напр.: Хрипкова и Колесов 1981, 1982). Читателю предоставлялась информация о строении и функциях половой системы, о венерических заболеваниях и вредных привычках, о любви и культуре семейных отношений. В подавляющем большинстве случаев в данных текстах предполагалось и предписывалось «нормальное» сексуальное развитие человека, реализующего свои половые потребности исключительно в браке. Семья, по мнению авторов пособия, является не только личным делом, но и гражданским долгом: «Создать хорошую семью и сохранить ее здоровой и счастливой — человеческий и *гражданский долг* (курсив мой. — А.Т.) каждого юноши» (Ступко и Соколова 1981: 48). «Для нас брак — священный союз», — пишут медики В. Влади́н и Д. Капустин (Влади́н и Капустин 1988: 15), авторы нескольких популярных книг об интимной жизни, изданных в начале 1980-х гг.

Итак, идеология просвещения в области половой жизни опирается на нормативную модель семейно-брачной сексуальности, при этом в

⁸ Например, книги немецкого врача-гигиениста Р. Нойберта (1960, 1967); см. также: Борман 1975.

⁹ Об этих пособиях И. Кон написал, что они представляют собой причудливую смесь полезных физиологических и медико-гигиенических сведений с примитивным морализированием (Кон 2005: 248).

различных текстах постоянно обсуждаются многочисленные отклонения от данной нормы. Авторы отмечают, что неизбежности семьи и коммунистическому воспитанию молодежи угрожают новые явления в частной жизни. Критика нарушений идеологической нормы и рецепты по их преодолению являются важнейшими составляющими дискурса о половых отношениях. Основной целевой группой сексуального просвещения выступает молодежная аудитория, которая должна получать информацию о половых отношениях в ходе и в русле коммунистического воспитания. «Половое просвещение и воспитание *неотделимы от общего коммунистического воспитания* (курсив мой. — А.Т.) — воспитания всесторонне, гармонически развитых строителей нового общества, новых общественных отношений» (Ступко и Соколова 1981: 7). Рассмотрим, как выстраивалась дискурсивная конструкция рисков, сопровождавших либеральные сексуальные практики, и какие стратегии предлагались в целях избегания данных рисков.

«Молодежь Запада захлестнута волной секса»

Авторы текстов выделяют угрозы коммунистической морали и определяют их источники. Утверждается, что советской морали и советскому браку «угрожают» добрачные и внебрачные связи, ранние или внебрачные беременности, аборт, бесплодие, случайные половые связи, онанизм, венерические заболевания, вредные привычки (курение и употребление алкоголя), психосексуальные отклонения и пр. Приведем два примера подобных высказываний: «Легко и рано начатая половая жизнь может стать источником ряда трагедий, причем не только самих участников, но и ребенка, который может родиться от такой связи» (Королев 1978: 63); под влиянием алкоголя «молодые люди нередко вступают в случайные половые связи. А это главный путь, ведущий к заражению венерическими болезнями» (Ступко и Соколова 1981: 26).

В задачи полового воспитания соответственно входит формирование «критического отношения к пережиткам и влиянию мещанской буржуазной морали, стойкости к влиянию буржуазной идеологии в сфере взаимоотношений мужчин и женщин» (Хрипкова и Колесов 1981: 94). Советы подрастающему поколению оцениваются как крайне своевременные в условиях, когда «молодежь Запада захлестнута волной секса, а апологеты капитализма пытаются распространить свои «концепции», касающиеся вопросов пола, среди нашей молодежи»

(Скрипкин и Марьясис 1985: 3). Молодежи угрожает бесконтрольность, стремление к сексуальной свободе и к максимизации наслаждений, с одной стороны, «викторианская» стыдливость и «постное ханжество» — с другой, а также гомосексуализм, порнография и пр. Последним двум явлениям в литературе уделяется лишь незначительное внимание — они криминализованы, и потому считается, что серьезной «угрозы» для советских людей они не представляют. Другим опасностям посвящены большие разделы научно-популярных книг: «Мы хотим предостеречь вас от ошибок, за которые приходится дорого расплачиваться» (Ступко и Соколова 1981: 7). Особое внимание уделяется добрачной и внебрачной сексуальности — именно эти тенденции, как показывали немногочисленные исследования данного периода, получают распространение в повседневности. От них авторы и пытаются предостеречь молодежь.

Дискурсивная конструкция предостережений против практик сексуальной либерализации включает указание причин, к которым относились «пережитки прошлого» и «влияние буржуазной морали», и описание опасностей, их последствий и способов преодоления. В текстах осуществляется стратегия запугивания читателей. «Легкомысленное поведение» (читай: внебрачные и/или случайные связи) считается причиной венерических заболеваний, появления внебрачных детей, утраты (в первую очередь мужчинами) способности к глубоким чувствам, фиксации на физиологии и пр. «Мимолетные, безответственные связи», «частая, беспорядочная смена партнеров» — все это «является наихудшим последствием добрачных половых отношений» (Борман 1975: 83). Последствия гипертрофируются и предстают катастрофическими как для личности, так и для гендерной идентичности: «Для таких мужчин их потенция становится величайшей жизненной ценностью, определяющей весь смысл их жизни, а ее утрата или хотя бы снижение — крупной жизненной потерей... Результат — психосексуальная деградация личности» (Хрипкова и Колесов 1982: 44, 46). Мужчины в этом случае рискуют «деградацией» и утратой маскулинности (отождествленной с сексуальной потенцией), женщины — утратой женственности (отождествляемой с «сознательным материнством»). Следствием безответственности партнеров (особенно мужчин) «нередко бывает... заражение венерическими болезнями, угасание половой функции, нежелательное рождение детей или вынужденное прерывание беременности» (Борман 1975: 83). Немецкий социолог приводит шестнадцать аргументов против добрачных половых связей, среди которых упоми-

наются общие риски, такие как вероятность беременности, опасность аборта, возможность занесения инфекции, и риски морального характера, такие как «чувство вины в результате нарушения норм морали», «чувство вины в связи с общественным порицанием». Описываются также риски для последующей брачной жизни («добрачная связь, как отклонение от моральных принципов, может привести позже к супружеской неверности с вытекающим отсюда ущербом для брака»), а также угрозы гендерной самооценке и выполнению гендерной роли, такие как «опасение потерять уважение мужчины после половой связи» (Там же: 84–85). И хотя автор не определяет пол адресата-подростка, очевидно, что адресатом выступают прежде всего женщины.

Предполагается, что средством противодействия множественным опасностям является нравственное воспитание, цели которого — формирование морали «строителя коммунистического общества» и его/ее сексуальной жизни. «Девияциям» должны быть противопоставлены высокие идеалы, которым нужно обучать молодежь в целях совершенствования личности (см., напр.: Скрипкин и Марьясис 1985: 4), поскольку в конечном счете именно общество несет ответственность за формирование идеалов молодежи и соответствующего поведения. «Главным в половом поведении подростков является характер общественного строя и влияние, оказываемое обществом», и потому воспитание является наиболее действенным средством, направляющим сексуальность молодежи в приемлемое русло. «Правильное половое воспитание и просвещение должно дать молодежи возможность с сознанием ответственности рассматривать проблемы любви и сексуальности» (Борман 1975: 84–85).

В дискурсивной борьбе с нежелательными явлениями выстраивается норма сексуального поведения, помещенного в рамки семьи — любви — духовности — деторождения — воспитания детей. «Любовь — жемчужина человеческих отношений, оправой которой является супружество» (Скрипкин и Марьясис 1985: 23) — это лейтмотив большинства текстов, затрагивающих половые отношения. Используемые цитаты из К. Маркса и Ф. Энгельса, В. Ленина, А. Макаренко призваны подтверждать важность любви в социалистическом браке. Любовь в позднесоветском дискурсе становится предметом специального обсуждения. В одних случаях она является эвфемизмом для описания половых отношений (см., напр.: Нойберт 1967). В других — рассматриваются ее виды, история, литературная репрезентация, соотношение любви и семьи и пр. (см.: Рюриков 1967, 1977). Однако пропагандируе-

мая любовь — основа моногамного официального брачного союза — не имеет ничего общего с теми идеалами свободной пролетарской любви товарищей, которые отстаивала, например, А. Коллонтай. Брак основан на любви, и «в идеале моногамный брак равнозначен пожизненному супружеству» (Харчев 1979: 219) — эти утверждения повторяются в разных вариантах в большинстве текстов.

Однако там же признается, что любовные чувства не обязательно тождественны браку, и такие ситуации становятся проблемными для критики. Если авторы единодушны в осуждении случайных — т. е. легкомысленных и беспорядочных — связей, особенно в ранней молодости, то в отношении внебрачных половых отношений, основанных на любви, проявляется лояльность. Любовь «как основа брака выступает в качестве высшего *морального оправдания* (курсив мой. — А.Т.) половой связи». Тогда приходится признать, пишет один из ведущих социологов семьи А. Харчев, «*моральную правомерность* (курсив мой. — А.Т.) такой связи, когда любовь по тем или иным причинам не завершилась браком» (Там же: 180). Об этом рассуждает в публицистических работах Ю. Рюриков, выступая против «морализма» и «морализаторов». Современная семья, с его точки зрения, «узка» для личности и для любви, хотя и является «одним из главных русел, в которых течет любовь» (Рюриков 1967: 149, 160). Любовь может служить оправданием измен: «иногда это истинная, большая любовь, пришедшая с опозданием» (Владин и Капустин 1988: 179). Любовь и страсть легитимируют внебрачные сексуальные отношения в официальном дискурсе (включая многочисленные художественные произведения и кинофильмы советского времени). И поскольку возникновение чувств — слабо контролируемый процесс, остается только надеяться, что по мере «большого распространения норм коммунистической морали... такие явления, как внебрачные связи, отомрут наконец вовсе» (Там же).

Медики и публицисты выделяют и другие причины внебрачных связей, которые реконструируются на основе историй пациентов и писем читателей. К ним относятся, во-первых, «угасание половой любви», когда измены становятся «протестом против привычки, однообразия, вседоступности» (Там же: 171, 174). Во-вторых, гендерные различия: измены мужчин объясняются «привычкой» и «усталостью от брака»; измены женщин — неудовлетворенностью сексуальными способностями мужа (Владин и Капустин 1988). Публицисты отмечают, что жены отстают в духовном развитии от мужей и стареют раньше них, утрачивая сексуальную и эмоциональную привлекательность, в результате

чего муж стремится подтвердить свою сексуальную потенцию с более молодыми женщинами (Нойберт 1967: 226–242). Эти процессы предстают как естественные характеристики брачного цикла и половых различий. Авторы осуждают данные явления, указывая на их негативные последствия (венерические заболевания¹⁰, разводы, одиночество, страдания детей и супруга(и) и пр.), и дают советы, как избежать измен. Рецепты касаются в первую очередь преодоления рутины брака различными способами (высказываются предложения, адресованные супругам, — «устроить незапланированный праздник», «провести раздельно отпуск», «обратиться к врачу», а также отдельно женщинам, например — «привести себя в порядок», т. е. вернуть утраченную сексуальную привлекательность для мужа). «Супруги должны преодолеть монотонность жизни, придать ей определенное разнообразие», оставаясь в достаточно неопределенных, но, тем не менее, жестких рамках: «разумеется, в известных границах, чтобы они не приобрели гротескных форм» (Марьясис 1983: 91). Можно предположить, что автор имеет в виду разнообразие сексуальных практик, но не решается сказать об этом открыто. Он, однако, не забывает предупредить о недопустимости гротеска (трудно заподозрить его в том, что в виду имеются, например, презервативы или лубрикаты с фруктовым вкусом, сексуальные игрушки или эротическая продукция, не доступные советским людям). И в конечном счете, как пишет один из авторов, «я не могу дать супругам лучшего совета, чем совет еще раз влюбиться друг в друга» (Нойберт 1967: 235). Необходимо сохранять незыблемость семьи и избегать практик, которые, как утверждают другие авторы, — противоречат «не только нашей социалистической морали, но и морали вообще» (Владин и Капустин 1983: 164).

Итак, половое просвещение должно опираться на мораль, которая ориентирует мужчин и женщин на любовь и брак. Речь не идет о безопасном сексе, эффективном использовании контрацепции, планировании деторождения и пр. Моральное и физическое самоограничение представляются эффективными способами избегания проблем и рисков.

Попытки просветить и предостеречь советских граждан от опасностей, сопряженных с интимной жизнью, включают формирование

¹⁰ «Есть только один абсолютно надежный способ избежать заражения — отказаться от всяких внебрачных половых связей» (Владин и Капустин 1988: 181).

«правильной» мужественности и женственности. В конструкции гендерных норм содержится осторожная критика последствий советской эмансипации, стремление усилить поляризацию ролей.

**«Ослабление женственности —
большая психологическая беда для семейной жизни»**

В рассматриваемых текстах проблематизируются советская гендерная политика и ее последствия. С одной стороны, в текстах положительно оценивается эмансипация женщин: в социалистическом обществе, где женщины «имеют широкие возможности для выбора занятий по своему желанию, и общество не ставит им в этом ограничений» (Хрипкова и Колесов 1981: 81). С другой стороны, негативно оцениваются последствия «стирания различий», утверждается необходимость воспитания, учитывающего природные особенности пола. «Ослабление женственности — большая психологическая беда для семейной жизни, для культуры любви, для всего мира личных отношений» (Рюриков 1977: 55). Гендерные различия и двойной стандарт поведения в сексуальной сфере конституируются через апелляцию к естественным биологическим и психологическим различиям полов и к «естественному женскому предназначению», внеисторичному и внеконтекстуальному: *«Независимо от эпохи женственность всегда будет предполагать чуткость эмоционального восприятия, психологическую пластичность женской природы, специфическую привлекательность для представителей мужского пола; в любую эпоху (курсив мой. — А.Т.) высоко ценимыми качествами женщины будут качества матери»* (Хрипкова и Колесов 1981: 72). В такой позиции содержится неявная критика эмансипации советского образца, приводящей к «маскулинизации женщин» и «феминизации мужчин» (Исаев и Каган 1979: 14). В текстах описываются и объясняются полотицизирующие различия. Девочке—женщине предписывается стыдливость, скромность, целомудренность, мягкость, чувствительность, аккуратность и пр., мальчику—мужчине — активность, сила, выносливость, решительность, широта интересов, ответственность и пр. В сфере сексуальных отношений инициатива должна принадлежать мужчине: «не принято, чтобы женщина сама начинала ухаживать за мужчиной», поскольку «это противоречит и женской природе, и конкретно-историческим особенностям женской психики» (Хрипкова и Колесов 1981: 86). Популяризаторы

науки дают конкретные советы по поводу особенностей женского организма и правильного поведения мужа, способствующего сексуальному удовлетворению жены; при этом жена «никогда не должна оценивать сексуальные способности мужа отрицательно, независимо от того, получает ли она удовлетворение» (Владин и Капустин 1988: 82–88). В текстах содержатся конкретные предписания супругам в первую брачную ночь: в частности, муж должен проявлять инициативу, от него требуется особый такт и внимание, «в первые месяцы интимной жизни *муж должен позаботиться* (курсив мой. — А.Т.) о том, чтобы ускорить пробуждение у жены чувственности» (Марьясис 1983: 91), и пр. В обсуждении половых различий и особенностей психологии выстраивается конструкция «женщины» — реципиента сексуальных отношений и «мужчины» — их инициатора, ответственного за качество половой жизни супругов.

Однако проявление «естественных» качеств мужественности (отчасти и женственности) содержит в себе угрозу моральным основам общества, провоцируя бесконтрольность и выход сексуальности за пределы брака. «Природа» препятствует контролю половой жизни, который необходим для воспитания советского человека. В первую очередь это касается мужчин, которые считаются сексуально активными «от природы». Они часто стремятся утверждать свою мужественность через сексуальные «подвиги». Негативным последствием таких установок становится «комплекс Дон-Жуана»: мужчина «гордится своими половыми подвигами и старается их даже раздувать» (Хрипкова и Колесов 1982: 47). Мужчина такого типа «стремится к бездуховной физической связи», «уделяет излишнее внимание узко половым отношениям», «пренебрегает потребностями женщины», «склонен к изменам» и пр. (Там же: 44–52). В таком поведении содержится угроза морально-нравственным устоям общества. Поэтому для воспитания советских граждан и гражданок необходимо разрабатывать механизмы формирования «правильных» образцов мужественности и женственности, опираясь на научное знание половых различий. Женщина, как и мужчина, должна следовать «правильным» образцам женственности, конституируемой через материнство. Женщина, как утверждают авторы, «должна знать и помнить, что высшее предназначение в жизни — рождение себе подобного, продолжение рода, а не сиюминутная радость и наслаждение» (Владин и Капустин 1988: 60). Материнство представляется как гражданский долг по отношению к социалистическому государству, поддерживающему его целевой социальной политикой

(см.: Здравомыслова и Тёмкина 2007). Нормативный дискурс научно-популярной литературы связывает «правильное» материнство с полной семьей. Однако допускаются отклонения от этой нормы: «материнство вне брака с точки зрения морали не считается больше позорным для женщины» (Нойберт 1960: 50).

Заключение

Мы можем утверждать, что секс в Советском Союзе все-таки был, если иметь в виду публичное обсуждение вопросов сексуальности в позднесоветский период, хотя это обсуждение было весьма осторожным, а набор тем — весьма ограниченным. Применительно к данному периоду трудно говорить о дебате сторонников и противников сексуального образования, который существует в современной России (см. статью О. Снарской в данном сборнике). Окрашенные в моральные тона немногочисленные советские книги-руководства для воспитателей и профессионалов были теми единственными источниками, в которых в принципе поднимались вопросы полового просвещения. В них признавалась невежественность молодежи в вопросах сексуальных отношений и необходимость некоторого просвещения, дающего элементарные знания об анатомии, психологии, о половых отношениях и детской сексуальности. В книгах и статьях, ориентированных на медиков, психологов, педагогов и пр., формировалась концепция воспитания молодых людей, которые должны следовать определенным нормам в своей интимной жизни. Если сопоставить эту концепцию с дебатами 1999–2000 гг. (см.: Там же), то в ней обнаруживаются многие аргументы современных противников сексуального образования, однако эти аргументы в позднесоветский период используют те авторы, которые в целом поддерживают идею просвещения.

Для советской концепции сексуального просвещения было характерно наличие ряда особенностей. Во-первых, просвещение признавалось одной из сторон нравственного воспитания молодежи, соответственно первостепенная роль в нем отводилась обществу и коммунистической идеологии. Во-вторых, в качестве главной или даже единственной формы сексуальных отношений признавался моногамный брак, основанный на взаимной любви. Желательным считалось воздержание от сексуальной жизни вне и особенно до брака. В-третьих, фиксировалось, что не все практики советских граждан соответствуют

нормам, а отклонения от них чреваты многочисленными негативными последствиями на индивидуальном уровне и на уровне общества, поэтому с этими отклонениями необходимо бороться. В-четвертых, причинами отклонений считалось влияние чуждых по идеологии общественных систем — западных в первую очередь. Подчеркивались не столько культурные, сколько идеологические отличия советского общества и советской молодежи, которые должны противостоять западным угрозам. В-пятых, в текстах практически не звучали идеи безопасного сексуального поведения и избегания рисков. В-шестых, в них отсутствовали детальное описание и классификации сексуальных практик и норм. Практика удовольствия, как правило, не упоминалась. И наконец, в-седьмых, сфера сексуального просвещения представляла собой область конструирования традиционных гендерных различий, отчасти оппонирующую официальному дискурсу советской эмансипации.

Литература

- Голод С. (1995). *Аннотированная библиография по социальным проблемам сексуальности (1960-е — первая половина 1990-х гг.)*. СПб.: СПб филиал Института социологии РАН.
- Здравомыслова Е. и Тёмкина А., ред. (2007). *Российский гендерный порядок: социологический подход*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Кон И. (1997). *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке*. М.: О.Г.И.
- Кон И. (2005). *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс.
- Чернова Ж. (2008). *Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ*. СПб.: Норма.
- Чуйкина С. (2002). Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х гг., в кн.: Е. Здравомыслова, А. Темкина, ред., *В поисках сексуальности*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Rotkirch A. (2000). *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. University of Helsinki, Department of Social Policy. (Research report 1/2000).
- Zdravomyslova E. (2001). Hypocritical Sexuality, in: S. Webber, I. Liikanen, eds., *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries*. Palgrave, p. 142–150.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Источники

1. Антонов А. (1980). *Социология рождаемости*. М.: Статистика.
2. Босанац М. (1981). *Внебрачная семья*, пер. с хорватско-сербского. М.: Прогресс.
3. Борман Р. (1975). *Молодежь и любовь*, сокр. пер. с немецкого. М.: Прогресс.
4. Васильченко Г., ред. (1977). *Общая сексопатология. Руководство для врачей*. М.: Медицина.
5. Васильченко Г., ред. (1983). *Частная сексопатология. Руководство для врачей*, т. 1, 2. М.: Медицина.
6. Владин В. и Капустин Д. (1981). *Гармония брака*. Минск: Вышейш. шк.
7. Владин В. и Капустин Д. (1983). *Интимный мир семья*. Минск: Вышейш. шк.
8. Владин В. и Капустин Д. (1988). *Гармония брака*. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во.
9. Голод С. (1970а). Социально-психологический эксперимент как метод социологического исследования проблем брака и семьи, в кн.: *Проблемы быта, брака и семьи*. Вильнюс: Минтис, с. 37–42.
10. Голод С. (1970б). *Будущая семья: какова она? (Социально-нравственный аспект)*. М.: Знание.
11. Голод С. (1977). Социально-психологические и нравственные ценности семьи, в кн.: *Молодая семья*, вып. 18. М.: Статистика, с. 47–56.
12. Голод С. (1984). *Стабильность семьи: социологический и демографические аспекты*. Л.: Наука.
13. Грушин Б. (1964). «Слушается дело о разводе...» О так называемых также «легкомысленных браках», *Молодая гвардия*, № 6, с. 164–191; № 7, с. 255–282.
14. Грушин Б. (2001). Проблемы советской семьи, в кн.: Грушин Б. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения*. Очерки массового сознания россиян времен Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущёва. М.: Прогресс-Традиция, с. 280–347.
15. *Домоводство* (1956), А. Демезер и М. Дзюба, сост. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, с. 10–15.
16. Исаев Д. и Каган В. (1979). *Половое воспитание и психогигиена пола у детей*. Л.: Медицина.
17. Кон И. (1966) Половая мораль в свете социологии, *Советская педагогика*. № 12, с. 64–77.
18. Кон И. (1967). Половое созревание как социальная проблема, в кн.: Кон И. *Социология личности*. М.: Политиздат, с. 145–160.

19. Кон И. (1970). Секс, общество, культура, *Иностранная литература*, № 1, с. 243–256.
20. Кон И. (1980). *Дружба. Этико-психологический очерк*. М.: Политиздат.
21. Королев Ю. (1978) *Брак и развод. Современные тенденции*. М.: Юридическая лит-ра.
22. Кушнирук Ю. и Щербаков А. (1982). *Популярно о сексологии*. Киев: Наукова Думка.
23. Марьясис Е. (1983). *Гармония семейной жизни. О гигиене пола*. Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во.
24. Нойберг Р. (Нейберг Р) (1960). *Вопросы пола (книга для молодежи)*. Фрунзе: Мин.здрав. Киргизской ССР.
25. Нойберг Р. (1967). *Новая книга о супружестве. Проблемы брака в настоящем и будущем*, пер. с немецкого. М.: Прогресс.
26. Нойберг Р. (1971). *Что я скажу моему ребенку*. М.: Медицина.
27. Роговин В. (1970). Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х гг., в кн.: *Социальные исследования. Проблемы брака, семьи и демографии*, вып. 4, с. 88–114.
28. Рюриков Ю. (1967). *Три влечения*. М.: Искусство.
29. Рюриков Ю. (1975). Любовь и семья сегодня, *Молодой коммунист*, № 10–11.
30. Рюриков Ю. (1977). *Трудность счастья. Любовь и молодая семья*. М.: Знание.
31. Свядоц А. (1974). *Женская сексопатология*. М.: Медицина.
32. *Семья сегодня* (1979), Д. Валентей, гл. ред. М.: Статистика.
33. Скрипкин Ю. и Марьясис Е. (1985). *Гигиена юноши*. Минск: Беларусь.
34. Ступко А. и Соколова С. (1981). *Тебе — мальчик, юноша*. Киев: Здоров'я.
35. Харчев А. (1968). *Быт и семья в социалистическом обществе*. Л.: Знание.
36. Харчев А. (1979). *Брак и семья в СССР*. М.: Мысль.
37. Хрипкова А. (1969). *Вопросы полового воспитания*. Ростов-на-Дону: Гос. пед. институт.
38. Хрипкова А. и Колесов Д. (1981). *Девочка—подросток—девушка: Пособие для учителей*. М.: Просвещение.
39. Хрипкова А и Колесов Д. (1982). *Мальчик—подросток—юноша: Пособие для учителей*. М.: Просвещение.
40. Чечот Д. (1976). *Молодежь и брак (заметки юриста)*. Л.: Изд-во Ленинградского университета.
41. Юркевич Н. (1970). *Советская семья*. Минск.